

ЛАУРЕАТ ФЕСТИВАЛЯ
«ЮРМАЛА»,
ОБЛАДАТЕЛЬНИЦА
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПРЕМИИ «ОВАЦИЯ»,
ТИТУЛА «ЛУЧШИЙ ГОЛОС
РОССИИ», «РУССКАЯ
ТИНА ТЕРНЕР»,
«КРАСНАЯ ПАНТЕРА» —
ЭТО В 1980–1990-е.
РЕЖИССЕР, АКТРИСА,
ПЕВИЦА ЦЕРКОВНОГО
ХОРА, ПОБЕДИТЕЛЬ
МУЗЫКАЛЬНОГО
КОНКУРСА «ДВЕ
ЗВЕЗДЫ», ОРГАНИЗАТОР
ФЕСТИВАЛЯ
«ОСТРОВ.РУ» — ЭТО
В 2000-е. КРАСИВАЯ,
ТАЛАНТЛИВАЯ,
УСПЕШНАЯ —
И ТОГДА, И СЕЙЧАС.
И ВСЕ-ТАКИ **ОЛЬГА
КОРМУХИНА** ОБРАЗЦА
1990-х ЗДОРОВО
ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ СЕБЯ
НЫНЕШНЕЙ. ЭТИ
ПЕРЕМЕНЫ ПРОИЗОШЛИ
НЕ ВДРУГ...

На заре туманной юности

Детство Ольги — хорошее детство нормального советского ребенка. Интеллигентная семья: мама — историк, папа — инженер. Неравнодушные к искусству родители, добрые книги, музыкальная школа, первая любовь к рифмованному слову, школьный кружок с наивными, но бурными спорами — как жить, чему служить, мечты, идеалы, литературные дискуссии. Уменьшечки, строптивые дети — немного бунтарства и цинизма, немного романтики и прекраснотуши. Без всякой иронии — чудесное детство.

На семейном совете было решено, что карьера архитектора для творческой девушки — это то, что надо. И, получив вполне достойный аттестат, Оля подала документы в Горьковский инженерно-строительный институт. А надо сказать, что слава у альма-матер как кузницы талантов уже и тогда была нешуточная. Декан архитектурного факультета, случайно услышавший пение студентки Кормухиной, настоял, что-

бы она выступила на областном смотре студенческой самодеятельности. Это было первое выступление на настоящей сцене и первая ее победа, которая и сегодня для обладательницы многих титулов и наград остается «самой-самой».

О.К.: Меня воспитывали очень по-взрослому. Родители — царство им небесное! — были очень открытыми людьми, жили для всех распахнуто, как на семи ветрах, никогда никому не отказывали в помощи. Видимо, это передалось и мне. Мама — веселая, очень контактная женщина, а папа — рыцарь, эмоциональный, творческий, одаренный человек. Прекрасно рисовал, у него был необыкновенно богатый, красивый голос. Он очень хотел учиться в консерватории, но мама его отговорила. И всю жизнь в нем чувствовалась эта грустинка — я думаю, от какой-то невысказанности, потому что он так и не смог реализовать себя.

Они с мамой так любили друг друга, надышаться не могли, чувства их всю жизнь были очень свежими, юными — просто, что называется, лебединая верность.

Во многом благодаря папе я, наверное, и стала такой певицей, какой стала — пою не женскую музыку, и пою ее «не по-женски». Дома у нас всегда было много нот с теноровыми партиями — романсы, оперы... Я пела Ложгерина, Вертера, Ленского — словом, весь репертуар для тенора. Мне и сейчас кажется — это просто универсальный голос. Если ты поешь тенором — тебе почти все подвластно. Я и на клиросе в церкви чувствую себя очень на месте. Хор у нас абсолютно не пафосный, красотой пения там, может, и не залюбуешься, но зато очень душевно получается. Если начинают без меня — поют тоненько, незримо. А я прихожу — сразу звук понижее, покрепче. Батюшка слышит — поиному зазвучало, выглядит: «А, появилась, ну и хорошо».

«Русская Тина Тернер»

За победой на студенческом конкурсе последовала еще одна, на Всесоюзном фестивале джаз-рок музыки, куда она попала благодаря новым знакомым из культотдела обкома комсомола. До этого знакомства представление о роке, соуле и спиричуэлле Ольга имела довольно смутное. «Комсомольцы» помогли восполнить пробел, снабдили дефицитными пластинками с записями западных звезд, и через какое-то время Ольга влюбилась в эту странную, нервную, будоражащую воображение музыку. Влюбилась настолько, что с архитектурой решено было «завязать».

После фестивального Гран-при в предложениях недостатка не было, но она решила стать певицей в самом крутом ресторане родного города. Маму такой оборот дела ужасно расстроил, зато папа дочку поддерживал. Большинство всемирно известных рокеров и джазменов, кстати, именно так и начинали карьеру — выступая перед ресторанной публикой. И практически любая звезда подтвердит — лучшей школы жизни сложно придумать. Ежевечерние концерты, постоянное расширение репертуара здорово закаляют и голос, и характер. К тому же Ольга наотрез отказалась исполнять обычный ресторанный шансон, заявив, что петь будет только «фирму» (читай — хиты западной авангардной музыки).

Спустя два года ее услышал находившийся в Горьком на гастролях Олег Лундстрем, которому настоятельно советовали «послушать одаренную девочку». Джазмен послушал, сильно впечатлился и высказался в том духе, что «голос голосом, а высшее образование еще никому не мешало». В результате после этого разговора Ольга подала документы в Гнесинку, там тоже впечатлились и решили — «берем». Учеба давалась легко, поэтому преподаватели не возражали про-

тив того, чтобы их студентка выступала с оркестром Олега Лундстрема. После фестиваля в Юрмале в 1986 году ее окрестили «русской Тиной Тернер», о ней писали все крупнейшие СМИ страны. Все вроде бы шло неплохо, но в какой-то момент джаз отошел на второй план и начался многолетний «роман с роком». Сначала — в качестве солистки «Рок-агелле» Криса Кельми, затем — с собственной группой. Популярность, слава, признание — всего было с лихвой...

О.К.: В 1980–1990 годы все у меня складывалось настолько удачно, что лучше как будто и некуда. Мне даже машину подогнали под цвет концертного платья. Каждый раз у подъезда стоял линкольн нужного цвета — такие у меня были поклонники и друзья. Но я всегда ощущала потребность в чем-то ином. Видимо, душа хотела истинной духовности, искала ее. До этого я увлеклась и буддизмом, и кришнаитами, пришла, что называется, и Крым и Рим — все искала «окончательную» правду. Казалось, что наша обычная, традиционная русская православная религия — она здесь, будет всегда и никуда не денется. А мозгу и гордыне хотелось чего-то «поинтереснее». Но все оказалось тщетой, что-то в душе не находило отклика, не соглашалось. Хотелось-то настоящего, подлинного, не суетного. Мне повезло — на моем пути стали появляться люди, готовые мне помочь.

Я погружалась в православную веру постепенно, находя в ней ответы на все вопросы, которые мучили меня. Пробиралась на ощупь, и вдруг — свет зажегся, появилась освещенная дорога и стало понятно, куда мне идти. Воцерковление мое затянулось на несколько лет. И я поняла, что не все то, что казалось мне в своей жизни ужасным, так уж плохо, и не все, что казалось отличным, было здорово. Сейчас я поражуюсь терпению тех батюшек, которых мне Бог послал на заре моей туманной юности. Они не подгоняли, не корили, давали мне возможность ошибаться, падать и взлетать, снова падать и снова взмывать.

Неслучайные встречи

Встреча со старцем — протоиереем отцом Николаем Гурьяновым — стала для нее точкой отсчета, началом новой жизни. На остров Залит под Псковом, где последние годы жил старец, Ольга первый раз приехала в 1997 году — хотелось понять, что делать со своими сомнениями и как ей жить дальше. Об отце Николае слава шла как о святом и мудром человеке, к нему в конце 1990-х многие мечтали попасть. В тот день вокруг протоирея тоже было немало людей. Но увидев Ольгу, старец сразу обратился к ней: «Ну что ж ты так долго?»

Остров Залит стал для нее вторым домом. И каждый приезд, каждый разговор со старцем заставляли заново поражаться — и величию человеческого духа, и простоте решений казавшихся неразрешимыми проблем, и — свету, что все яснее освещал жизнь. Этот свет был настолько чудесен, что хотелось оставить все лишнее и служить лишь ему. Ольгу не оставляли мысли об уходе в монастырь. Но старец Николай отчего-то этот порыв не поддержал, а благословил на неожиданное: «Вот вернется твой муж, венчаться будешь». Сказать, что в тот момент эти слова прозвучали для нее диссонансом со-

всеми мыслями и планами — не сказать ничего. Какой муж? Откуда вернется?

...Алексей Белов, лидер группы «Парк Горького» (Gorky Park) вернулся из Америки в 1998 году. В тот день он пришел в Свято-Данилов монастырь на службу. Служба закончилась, Алексей вышел из храма, но что-то заставило его вернуться... На лестнице его окликнули: «Вы Алексей Белов? Я Оля Кормухина...» Они не были знакомы прежде, но мир рок-музыки довольно тесен — знали, конечно, кто есть кто. Не знали только главного — что эта их случайная встреча — отнюдь не случайность. Разговорились. Когда Алексей узнал, что Николай Гурьянов — духовник Ольги, попросил отвезти его на остров.

Увидев их вместе, старец сказал: «Венчайтесь!» Оба не ожидали, растерялись — видятся второй раз в жизни, не знают друга друга совершенно — какое «венчайтесь»?

...Венчание состоялось в апреле 1999 года в церкви Феодора Студита у Никитских ворот, а в мае 2000 года родилась девочка, долгожданная любимая дочка, окрещенная Анатолией.

О.К.: Это для мира моя история кажется удивительной, а для церкви в ней ничего необычного нет. Я не могу раскрывать чужие тайны, но у меня на страничке лишь за последний год три похожие истории.

Когда-то духовник сказал мне: «Пиши письма!» Но я тогда абсолютно не понимала — кому мне писать? Зачем? И кто сейчас вообще пишет письма? Терзалась даже, что не выполняю волю старца. Зато сейчас я столько пишу незнакомым людям, стараюсь поддержать, помочь. Такое счастье, когда мои слова помогают кому-то избежать ошибок или просто утешиться. Я чувствую себя, как будто оказалась в сказке и — по совместительству — «на раздаче» у большого волшебника.

Время от времени приходят такие горькие письма от отчаявшихся людей. Как-то незнакомая девушка написала: «Вы для меня последняя надежда. Я держусь из последних сил, и уже на грани...» Представляете, какие слова? Я сразу почувствовала ее искренность — давно уже научилась выделять настоящие переживания. Эту девушку оставил мужчина, с которым они были вместе много лет и которого она очень любила. Мало того, они были связаны совместным творчеством — а я по себе знаю, что это такое. Я посоветовала ей съездить в подмосковный женский монастырь, к моей давней знакомой. Просто поговорить, может быть, пожить там недельку. Через какое-то время она написала мне довольно скупое и спокойное письмо. Поблагодарила за совет, сказала, что поездка была чудесной. И я почувствовала за этими строчками какую-то очень серьезную внутреннюю работу, предложила ей съездить к старцу. В следующем письме она сообщила, что уже в монастыре, что нашла себя, ей там очень хорошо и она благодарна всему, что с ней случилось.

Мы с мужем как два стalkerа. Проводим людей в зону, в которой сами, может, и не очень разбираемся, но каким-то чувством тоже в ней существуем и знаем туда дорогу. Есть вещи, которым не надо искать объяснения, не надо подбирать слова. Они просто есть, так же как есть мама, есть солнце, есть жизнь. Просто данность. Когда в человеке заложена эта потребность — он найдет свой путь — так или иначе. Я лишь проводник на этом пути. Я могу подать ему руку.

Рок и Вера

И Ольга, и Алексей в разное время мучились вопросом — угодно ли Богу дело их жизни, та музыка, которой они занимаются? И оба получили от старца ответ на свои сомнения: «Угодно». Не громкая бунтарская

музыка опасна для души, а призыв к разрушению, насилию, агрессии и смерти...

Когда пришло понимание, что рок, как любая другая музыка, да и любое дело вообще, сам по себе не может нести ни зла, ни добра, что все зависит от человека — чем наполнится звук, что он сумеет в него вложить, время молчания для Ольги закончилось.

С Алексеем у них получился уникальный творческий тандем. Появились новые песни, слова и музыку для многих из них Алексей и Ольга написали вместе, в том числе — для российско-американских кинематографических проектов.

«Роман с кино» имел продолжение. В 2007 году певица поступила на режиссерский факультет Всероссийского государственного университета кинематографии. И уже через год сделала свою первую картину в качестве режиссера — «И светит, и греет» — историю про жизнь на острове Залит. В нем она сыграла одну из главных ролей. Еще через год сняла фильм «Колокол», в котором снимались Лариса Гузеева и Иван Охлобыстин.

После участия певицы в музыкальном проекте «Две звезды» посыпались приглашения выступить на разных площадках, фестивалях, концертах, в том числе — православных праздниках. Вся страна видела, как улыбался Патриарх на концерте, посвященном 1025-летию Крещения Руси, когда на Красной площади звучала одна из самых сильных песен Кормухиной — «Путь».

О.К.: Мой умница-муж говорит так: «Вот есть топор, сам по себе — вещь простая. Но можно с его помощью храм построить, а можно человека зарубить — смотря в чьих руках он окажется». Я слышала столько елейной, приторной музыки, которую слушать не просто неловко, а, пожалуй, и вредно для души.

В роке у каждого артиста есть свое лицо. Даже если говорить о русском роке. Эта музыка заставляет думать и действовать. Другое дело — положительно или отрицательно она заряжена.

Нести своим пением, музыкой положительный заряд — это тоже дар Божий. Для этого не обязательно сладко звучать и «гладить слушателей по голове». Речь, скорее, о даре пробуждать дух. Отрицательность заряда и в «никакой» музыке, и в циничности, равнодушии к тому, что делаешь.

Моя «теноровость» дает мне очень мощную опору, на сцене я ощущаю себя просто «влитой» в то, что исполняю. Ощущение такое, что с первыми звуками взлетаю вверх, как ракета, прямо физически это ощущаю — все-таки для той мощи, которая из меня прет, тело у меня довольно тщедушное. «Пробивает» так, что сознание можно потерять, душа улетает. Звук, когда он настоящий, чистый, правильный — он же тебе не принадлежит. Да, он рождается в твоём теле, но ты просто проводник для посланного дара. И когда ты вошел в это состояние — его ощущает и публика. Она все чувствует, и тоже меняется, раскрывается навстречу. И это просто невероятный кайф!

Круги на воде

Муж, дочка, музыка, гастроли, кино, письма «на раздаче у волшебника» — жизнь, в общем, и так не скучная. Но, видимо, когда в человеке столько энергии, ему все мало. В 2012 году Ольга Кормухина в первый раз

провела Фестиваль добрых дел «Остров.ру» в Наро-Фоминском районе Московской области. Участники — все свои, близкие по духу люди — группа «Видели! Знаем», Ольга Дзусова, Иван Охлобыстин, группа «Парк Горького», Хелависа, Дина Гарипова. Ну, и разумеется, сама Ольга Кормухина. Гости стали в большинстве своем пользователи социальных интернет-сетей, до этого знакомые между собой лишь виртуально, — те, кто откликнулся на призыв собраться. В 2013 году таких откликнувшихся стало в разы больше. И — удивительное дело — очень разные, чужие прежде люди ощутили чудесное единение, желание хоть немного изменить мир, сделать его лучше. Звучит, может, и пафосно, но свидетели подтверждают — так и было.

О.К.: Моя задача — то небольшое количество лет активной жизни, которое мне отпущено, не знаю, сколько — никто этого не знает, потратить с пользой — на то, чтобы кому-то помочь. Человека нельзя заставить сделать что-то хорошее, его можно только «заразить». И я хочу быть такой вот «заразой». Мне вообще кажется, что самый большой талант, который мне дан Богом, — это именно умение «заразить», увлечь.

Уверена, что на следующий год к нам на фестиваль придет еще больше народа. Мы помогаем восстанавливать храмы, собираем деньги для сирот — каждый может предложить какое-то доброе дело. При этом на фестивале совершенно особая атмосфера — к нам приезжают с гитарами, и до основной концертной программы мы устраиваем импровизированный клуб авторской песни. Это очень здорово, потому что все соскучились по такому стилю общения — ночь, гитара, песня, костер, разговор по душам... Все самые лучшие детские воспоминания здесь воплощены въяе.

Невозможно сказать всем — ребята, мы семья, мы братья-сестры! Это не работает. Надо собирать тех, кто неравнодушен, кто готов что-то делать для других. Я и собираю — как брошенный в воду камушек, от которого расходятся круги.

Ирина Овечкина

